Сверхбольшинство для сверхпрезидентства

Успех электорального авторитаризма зависит от его способности, ограничив предложение на политическом рынке, представить сложившееся равновесие как отражение фактического спроса

Кирилл Рогов

В 2011—2012 годах политический режим Владимира Путина столкнулся с наиболее серьезным кризисом в своей истории. События, манифестировавшие кризис, — фактическое поражение «Единой России» в качестве доминирующей (правящей) партии на выборах в декабре 2011-го и массовые выступления против фальсификации результатов этих выборов — стали полной неожиданностью для экспертов и политиков. Считалось, что путинский режим успешно справился не только с экономическим кризисом 2008—2009 годов, но и с проблемой конституционного перерыва — вынужденного отсутствия Путина в Кремле. Введенная в середине 2000-х система назначения губернаторов и необходимость сохранения контроля над ситуацией из премьерского кресла заставили Путина более активно использовать партийные структуры в целях политического управления. Формировавшийся в результате персоналистско-партийный режим, казалось, все больше приближался к наиболее устойчивой, как считают политологи, модели авторитаризма [1]. Решение о возвращении Владимира Путина в Кремль было представлено обществу как акт внутриэлитного консенсуса. Стабильная экономическая ситуация, «тефлоновость» путинского рейтинга, контроль над региональными элитами через назначаемых губернаторов и аполитичность среднего класса считались важнейшими столпами, на которых держался режим.

События конца 2011 — начала 2012 года нарушили существовавшее равновесие, а их неожиданность заставляет переосмыслить те аргументы, на основании которых строились прежние оценки устойчивости сложившейся политической модели. Такое переосмысление в течение последних полутора лет происходило и в Кремле: в противостоянии признакам политического кризиса режим вынужден был существенно меняться и искать новые точки опоры. В первой фазе (между парламентскими и президентскими выборами) эти изменения имели вид частичной либерализации (изменения в законодательстве о партиях, возвращение к выборности губернаторов); во второй фазе, после президентских выборов, получив дополнительную легитимацию, режим перешел к политике «закручивания гаек», что проявилось в ужесточении законодательства о митингах и демонстрациях, усилении давления на СМИ, резком расширении практики уголовного преследования политических

НЕОЦЕНИМАЯ ПОМОЩЬ В НАПИСАНИИ ЭТОЙ СТАТЬИ БЫЛА ОКАЗАНА ВЕНСКИМ *INSTITUTE FUR DIE WISSENSCHAFTEN VOM MENSCHEN*, СОТРУДНИКАМИ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА ЛЬВОМ ГУДКОВЫМ И МАРИНОЙ КРАСИЛЬНИКОВОЙ, А ТАКЖЕ КОЛЛЕГАМИ, С КОТОРЫМИ Я ИМЕЛ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБСУЖДАТЬ НЕКОТОРЫЕ ЕЕ ИДЕИ, — ПРЕЖДЕ ВСЕГО ИВАНОМ КРАСТЕВЫМ, МАРИЕЙ ЛИПМАН И ДЭНИЕЛОМ ТРЕЙСМАНОМ

активистов и массированном давлении на правозащитные и гражданские организации. Эти репрессивные новации отражают признание того факта, что высокий уровень поддержки, позволявший режиму сохранять устойчивость при относительно низком уровне насилия в 2000 годы, утрачен, а условия для консолидации оппозиции стали гораздо более благоприятными.

Между тем столь нервная репрессивная стратегия выглядит до некоторой степени парадоксальной на фоне относительно гладкой победы Владимира Путина на президентских выборах и сохраняющегося достаточно высокого уровня одобрения Путина-президента: в апреле—мае 2013-го Путина на посту президента одобряли 63 проц., не одобряли — 36 (данные Левада-Центра). Как резонно замечают представители Кремля, такому уровню поддержки могли бы позавидовать многие западные лидеры. Но зачем тогда репрессии и повсеместное усиление контроля? Проблема в том, что во второй половине 2010 года соотношение одобряющих и не одобряющих Путина составляло 78 к 20 проц., во второй половине 2011-го — 67 к 32, а в начале 2013 года — 63 к 36 процентам. Лидеры западных стран, во-первых, как правило, лишены удовольствия иметь долгосрочный рейтинг одобрения в районе 75—80 проц., а во-вторых, когда их популярность начинает быстро падать, политические игроки и граждане знают, что за этим последует усиление оппозиции и поражение на предстоящих выборах. Оказавшись же перед лицом электорального авторитаризма, то есть режима, использующего демократические процедуры для сохранения монополии на власть, наблюдатель должен ответить на несколько вопросов: что означает рейтинг доверия на уровне 80 процентов? что означает его снижение в полтора раза? и что последует, если он продолжит снижаться?

В данном случае мы оставляем в стороне обсуждение тех системных причин, которые, по нашему мнению, предопределяют диффузию политической стабильности образца 2000-х в начале нового десятилетия [2], и намерены сосредоточиться на рассмотрении одного института, который в значительной степени и обеспечивает долгосрочное равновесие в условиях электорального авторитаризма, — института «сверхбольшинства». Именно эрозия и угроза распада сверхбольшинства вынуждает режим перейти к фазе реакции — демонстративному ужесточению риторики и расширению репрессивных практик в ответ на требование либерализации политической жизни.

Два Путина в одном рейтинге: динамика и специфика поддержки

Знаменитый «рейтинг» (высокий уровень одобрения деятельности на посту президента или премьера) давно уже воспринимается как неотъемлемая часть путинского политического феномена. Аналитики и эксперты так привыкли к аномально высоким значениям рейтинга и его «тефлоновости» [3], то есть нечувствительности к актуальным политическим обстоятельствам, что до событий декабря 2011-го практически не обращали внимания на последовательное его снижение на протяжении предвыборного года. Из социологического факта рейтинг давно уже превратился в политический институт; в значительной степени он воспринимается как отражение путинской харизмы, некая «вещь в себе», существующая поверх и помимо политической рациональности. Между тем при внимательном рассмотрении обнаруживается, что рейтинг Путина, во-первых, был подвержен сильным колебаниям, а во-вторых, его «качество» на протяжении 2000-х годов существенно менялось.

Группа регулярных опросов Левада-Центра позволяет соотнести динамику путинского

рейтинга с изменениями суждений респондентов о текущем положении дел в следующей системе координат:

- оценки политической ситуации *vs* экономической;
- ретроспективные *vs* проспективные оценки;
- оценки эгоцентрические *vs* социотропные.

Здесь мы следуем по пути, намеченному анализом факторов путинской популярности Дэниела Трейсмана и Самюэля Грина [4]. Амбициозная задача первого исследования состояла в построении общей модели президентской популярности в России на материале данных, охватывающих два ельцинских и два путинских срока. Второе исследование, напротив, оперирует данными кризисного периода 2007–2011 годов и сфокусировано на тех изменениях, которые происходят внутри «модели популярности». В фокусе нашего внимания также будет анализ именно динамики факторов популярности Путина, то есть, следуя по пути Грина, мы попробуем рассмотреть весь путинский период с осени 1999-го до середины 2013 года. При этом мы значительно упростим как используемые индексы, так и математический аппарат анализа. Не преувеличивая ни устойчивости данных, ни нашего понимания веса, взаимозависимости и направлений каузальности различных типов оценок, обратим внимание лишь на соотношения и закономерности, в наибольшей степени бросающиеся в глаза (см. рисунок 1).

«Экономическое положение России» — индекс ответов на вопрос «Как бы вы оценили экономическое состояние России?»; «материальное положение семьи» — индекс, полученный из распределения ответов на вопрос «Как бы вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?», а с 2008 года — на вопрос «Как вы

Рисунок 1

ДИНАМИКА ОЦЕНОК ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ И РЕЙТИНГА ОДОБРЕНИЯ ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА/ПРЕМЬЕРА

Источник: Левада-Центр; расчеты автора

считаете за последний год ваша жизнь, жизнь вашей семьи стала лучше, хуже или не изменилась?»; «политическая обстановка в России» — индекс, полученный из распределения ответов на вопрос «Как бы вы оценили в целом политическую обстановку в России?»; «политические ожидания» и «экономические ожидания» — индексы, основанные соответственно на ответах на вопросы «Как вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?» и «Как вы думаете, что ожидает Россию в ближайший год в области экономики?». Для вопросов с четырехбальной шкалой оценок (ABCD) индекс рассчитывался по формуле A*2+B-C-D*2, соответственно в случае пятибальной шкалы (ABCDE), где C есть фиксация неизменности ситуации, — по формуле A*2+B+C-D-E*2. Это связано с тем, что переход от негативных оценок к нейтральным выглядит значимым в начале рассматриваемого периода.

В инициальном периоде путинской популярности заметна значительная роль индексов ожиданий, демонстрирующих наиболее бурный рост и первыми выходящих в область положительных значений. При этом прочие оценки, и в частности оценки материального положения семьи, растут гораздо медленнее. «Вертолетный» взлет рейтинга малоизвестного «силовика в штатском», назначенного на должность премьера, по всей видимости, был обусловлен комбинацией экономических и политических факторов. Энергичное улучшение экономических показателей и рост доходов граждан во второй половине 1999 года сыграли значительную роль в повышении оценок и настроений [5], однако их влияние не объясняет того обстоятельства, что рейтинг Путина уже в ноябре 1999-го — январе 2000-го достиг пиков (в среднем одобряли Путина в эти три месяца около 80 проц. опрошенных). Вернуться к ним удастся лишь в декабре 2002-го и затем на рубеже 2003—2004 годов. Взлет индексов ожиданий демонстрирует нам политическую, мобилизационную составляющую в динамике рейтинга на раннем этапе.

Весной 2000-го снижение рейтинга происходит параллельно снижению индексов ожиданий и, видимо, связано с исчерпанием фактора мобилизации; в частности, война в Чечне начинает работать против Путина [6]. В то же время оценки материального положения семьи (эгоцентрические оценки) продолжают улучшаться: их баланс выходит в положительную зону в 2001 году и коррелирует с новыми пиками путинской популярности в конце 2002-го [7]. Таким образом, факторы политической мобилизации и преувеличенных ожиданий в этот период ослабевают (социотропные оценки перестают улучшаться, индексы ожиданий находятся в боковом тренде или снижаются), но «замещаются» ростом оценок текущего экономического положения семьи. Мобилизация поддержки в выборном цикле конца 2003 — начала 2004 года, наоборот, коррелирует с взлетом проспективных и социотропных оценок (в большей степени отражающих политическое доверие, чем фактическое положение дел), в то время как индекс материального положения семьи стабилизировался на уровне +15 ... +20 пунктов.

Следующую важную коллизию в истории рейтинга составляет его наиболее глубокое и длительное за 2000 годы снижение в конце

> “Взлет индексов ожиданий демонстрирует политическую, мобилизационную составляющую в динамике рейтинга на раннем этапе”.

2004-го — первой половине 2005-го (в среднем одобряли Путина в этот период 66 процентов). Сначала снижение поддержки идет параллельно со снижением индексов ожиданий (эффект демобилизации), в сентябре происходит провал политических оценок (теракт в Беслане), а затем и экономических индексов (монетизация льгот) [8]. Среди факторов, оказывавших негативное влияние на рейтинг в этот период, стоит отметить отмену губернаторских выборов, напугавшую региональные элиты. Губернаторское сопротивление, опиравшееся в том числе и на резонансный протест пенсионеров против монетизации, ярко проявило себя на местных выборах 2005 года: региональные элиты фактически не допустили доминирования «Единой России» в региональных легислатурах, создавая местные блоки и поддерживая «социальные» партии [9].

Этот первый ощутимый кризис путинской внутренней политики и путинской популярности остался, однако, почти незамеченным в тот момент экспертами, а региональная фронда не была поддержана элитами и крупными городами. Кроме того, как видно на рисунке 1, в то время как индексы ожиданий и социотропные оценки находятся в глубоком минусе, оценки текущего материального положения семьи вновь начинают в 2005-м интенсивно расти, достигая уровня +30 пунктов. Убедительный рост оценок личного материального благосостояния становится наиболее яркой приметой «золотой эры» путинского правления (2006—2008 годы) и, как можно предположить, определяет запаздывающий рост социотропных оценок и парение путинского рейтинга в заоблачных высотах (средняя доля одобряющих Путина: в 4 квартале 2005 года — 73 проц., в 2006-м — 76, в 2007-м — 81, в 2008 году — 84 процента).

Экстремальная «позитивная» мобилизация 2008-го (дополнительный импульс которой придает образцовая «маленькая победоносная война» с Грузией) объясняет, видимо, очень сдержанное падение рейтинга во время кризиса 2008—2009 годов. За исключением индекса экономических ожиданий, все прочие индексы падают лишь до нулевых уровней (нулевой баланс позитивных и негативных оценок) и почти сразу начинают восстанавливаться. Однако в 2010-м наступает перелом: несмотря на продолжающийся рост индекса материального положения семьи, индексы ожиданий оказываются под влиянием бокового понижательного тренда, а рейтинг Путина начинает снижаться параллельно с заметным ухудшением индекса оценок политической ситуации.

> “Две ролевые функции Путина: функция «спасителя нации» и «реставратора порядка» и функция «распорядителя благополучия», компенсирующая спады рейтинга”.

Итак, в целом можно сказать, что в разные периоды индикаторы по-разному взаимодействуют с динамикой одобрения Путина [10]: наиболее устойчивой выглядит корреляция всех индексов с рейтингом одобрения в 2005—2008 годах, зато после кризиса коэффициент корреляции экономических индексов и рейтинга одобрения становится отрицательным. В истории рейтинга выделяются, таким образом, несколько периодов и фаз. В начале первого периода (1999—2000) рост рейтинга до аномальных значений может быть объяснен политической консолидацией (отразившейся в росте проспективных индексов) на фоне позитивной экономической динамики. Во второй фазе этого периода (2001—2003), напротив, значение полити-

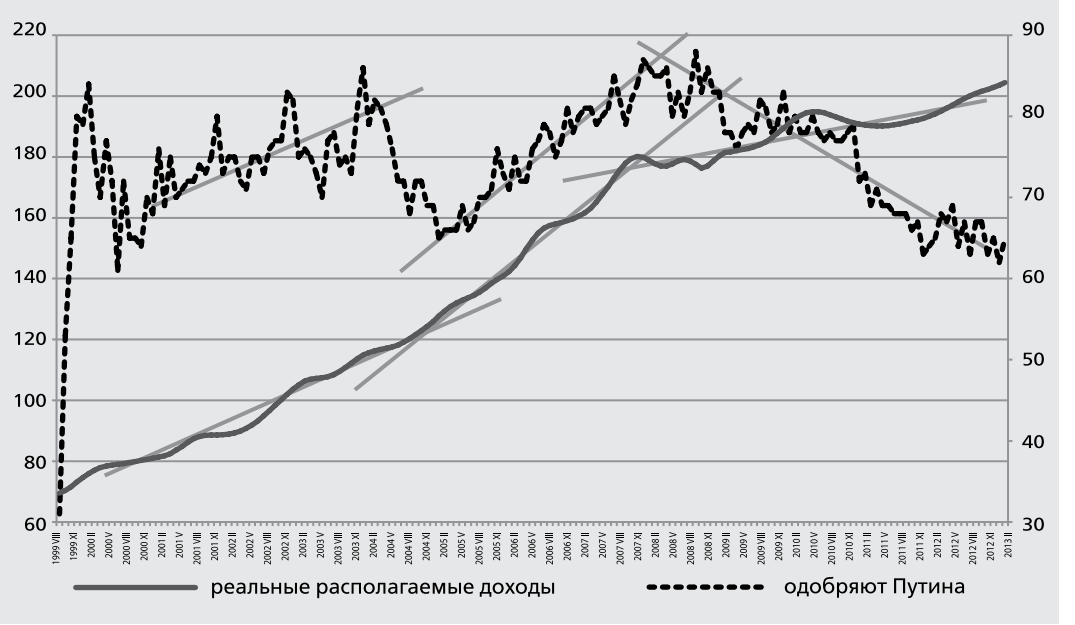
ческих факторов ослабевает, в то время как экономические оценки становятся главным драйвером позитива. Снижение уровня одобрения Путина в начале второго периода (2004—2005) совпадает с провалом политических индексов, однако рост оценок текущего экономического положения семьи в 2005-м ведет к новому подъему рейтинга, «вытаскивая» за собой политические оценки в период путинского апофеоза (2006—2008).

За этой динамикой можно разглядеть две принципиальные ролевые функции Путина: во-первых, это функция «спасителя нации» и «реставратора порядка», играющая особенно заметную роль в периодах предвыборной мобилизации (1999—2000, 2003—2004, 2008), и, во-вторых, функция «распорядителя благополучия», компенсирующая постмобилизационные спады рейтинга. Вторая функция позволяет нивелировать признаки «политического» недовольства в первой половине 2003-го и первой половине 2005 года, а также достигать максимальной поддержки накануне и в начальной фазе кризиса 2008-го.

То, что экономический фактор в разные периоды играет разную роль в динамике рейтинга, подтверждают и принципиально различные коэффициенты корреляции индекса реальных располагаемых доходов и рейтинга одобрения (рисунок 2). Для периода 2000—2003 годов он составляет 0,49, для периода 2005—2007 — 0,94 (очень сильная положительная связь), для периода 2009—2012 годов коэффициент оказывается предсказуемо отрицательным (рейтинг снижался при росте доходов) — -0,63 (отрицательная корреляция имела место и в 2004-м в период поствыборной демобилизации) [11]. Фактически это означает, что в первом периоде экономическая динамика не объясняет экспоненциальной траектории роста рейтинга, очень сильная связь во втором периоде

Рисунок 2

ДОЛЯ ОДОБРЯЮЩИХ В. ПУТИНА (ПРАВАЯ ШКАЛА) И ДИНАМИКА РЕАЛЬНЫХ РАСПОЛАГАЕМЫХ ДОХОДОВ



позволяет высказать гипотезу о доминировании экономического фактора, а отрицательная связь в третьем периоде заставляет предположить, что определяющее влияние на динамику поддержки оказывают неэкономические факторы.

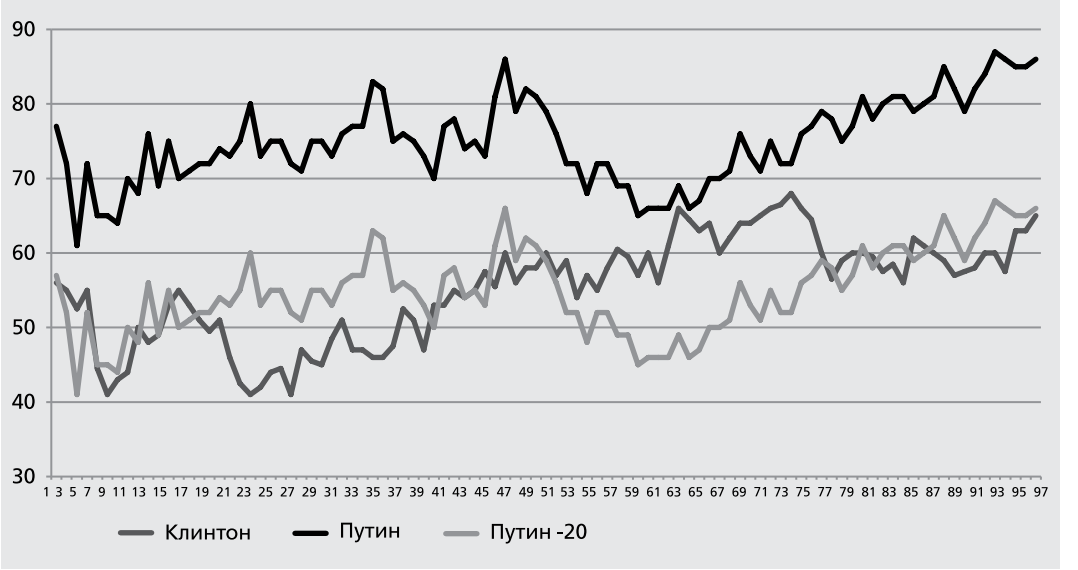
Притом что высокая значимость экономического фактора для рейтинга Путина была продемонстрирована целым рядом исследований [12], мы хотели бы подчеркнуть важность второго канала — канала политической мобилизации вокруг определенного набора ценностей («порядок», «стабильность», «национальные интересы», «безопасность», «национальное возрождение» и пр.). Эскалация политических факторов поддержки, отражающихся в росте проспективных и социотропных индексов, обычно совпадает с выборным циклом [13]. На наш взгляд, именно политическая, мобилизационная компонента, выходившая в эти периоды на первый план, позволяла, во-первых, максимизировать эффект позитивной экономической динамики, ценность которой повышалась в глазах избирателей в сравнении с актуализированным негативным фоном («лихие девяностые» или буря мирового финансового кризиса), а во-вторых, укрепить в сознании избирателя непосредственную связь между экономическими успехами и фигурой «национального лидера». Можно сказать, что именно канал политической мобилизации позволяет трансформировать рост экономического благополучия в поддержку путинской политической системы на протяжении основной части рассматриваемого периода.

Формула «тефлона»: нормальности и аномалии

Этот беглый анализ и предположение о двух группах факторов, влияющих на динамику рейтинга, позволяют увидеть рейтинг более

Рисунок 3

РЕЙТИНГ ОДОБРЕНИЯ ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА (ДОЛЯ ОДОБРЯЮЩИХ), РЕЙТИНГ ОДОБРЕНИЯ БИЛЛА КЛИНТОНА (*GALLUP, JOB APPROVAL RATING*) И РЕЙТИНГ ПУТИНА ЗА ВЫЧЕТОМ 20-ПРОЦЕНТНЫХ ПУНКТОВ



Источник: Левада-Центр; *Gallup, Job Approval Rating*; расчеты автора. Значение месячного уровня одобрения Билла Клинтона рассчитано как среднее значение замеров в данном месяце

«нормальным», то есть подверженным, помимо краткосрочных колебаний, также макротрендам, которые выглядят рационально объяснимыми в контексте текущих экономических и политических тенденций.

Действительно, на протяжении первых двух президентских сроков уровень одобрения Путина менялся в диапазоне от 61 до 87 проц., и если мы мысленно вычтем из этих цифр 20–25 пунктов некой «надбавки», то увидим вполне нормальную, хотя и безусловно успешную президентскую карьеру, мало чем отличающуюся от рейтинговой истории, скажем, Билла Клинтона в период его президентства (рисунок 3). Ни максимальный размах колебаний (27 пунктов у Клинтона, 26 у Путина), ни ширина основного коридора (50–60 проц. у Клинтона, 71–79 проц. у Путина), ни стандартное отклонение (6,96 у Клинтона, 5,71 у Путина) принципиально не отличаются. Рейтинг Путина ничуть не менее волатилен, чем рейтинг Клинтона, то есть реагирует на внешние раздражители [14]. Существенное отличие наблюдается лишь в среднем значении — 55 проц. у Клинтона и 75 проц. у Путина, в чем и отражается магическая «надбавка».

Гипотеза «надбавки» находит поддержку при сравнении динамики рейтинга с динамикой индекса оценок положения дел в стране. Действительно, динамика положительных ответов на вопрос «Дела идут в правильном направлении или страна движется по неверному пути (события ведут нас в тупик)?» и динамика доли одобряющих Путина на большей части рассматриваемого периода устойчиво коррелируют (коэффициент корреляции 0,81 для периода с сентября 1999-го по декабрь 2010 года). Иными словами, внешние факторы оказывают аналогичное воздействие на распределение ответов в обоих случаях. При этом если среднее значение доли одобряющих Путина составляет 75 проц., а основной коридор колебаний — 71–79, то среднее значение для тех, кто считает, что дела в стране идут в правильном направлении, — 40, а основной коридор колебаний — 35–44 проц., то есть в среднем разница составляет 35 пунктов.

> “Именно канал **политической мобилизации** позволяет трансформировать рост экономического благополучия в поддержку путинской политической системы”.

Если бы число одобряющих Путина на посту президента совпадало с долей тех, кто считает, что дела в стране идут в правильном направлении, плюс — предположим — те, кто затрудняется ответить (в среднем 16 проц.), то рейтинг Путина как раз оказался бы примерно в том «конкурентном» коридоре одобрения, в котором находился рейтинг Клинтона, когда он занимал пост президента (50–60 процентов). Однако Путина, как мы видим, одобряют те, кто считает, что дела идут в правильном направлении, плюс, видимо, те, кто затрудняется ответить, плюс около половины тех, кто считает, что страна движется по неверному пути.

Этот показатель — разница между долей одобряющих лидера и теми, кто позитивно оценивает текущую ситуацию, — заслуживает специального внимания. Доля тех, кто одобрял Ельцина в середине 1990-х годов, превышала долю тех, кто считал, что дела идут в правильном направлении, в среднем на 8 пунктов; в конце 1990-х эта «надбавка» исчезает — крайне низкие оценки текущего положения дел соответствуют крайне низкому рейтингу президента, и даже их улучшение не транслируется в рост рейтинга: во второй

половине 1999 года «надбавка» Ельцина становится отрицательной — доля позитивно оценивающих текущее положение дел в среднем на 12 пунктов выше доли одобряющих Ельцина.

Положительный разрыв в уровне одобрения и позитивных оценок текущей ситуации наблюдается в определенные периоды и у американских президентов. Так, у Билла Клинтона в первый год его президентства «надбавка» в рейтинге составляла 20 пунктов, в последующие три года первого срока — 15 пунктов; во второй срок «надбавка» сходит на нет. Очевидно, что, как и в случае Бориса Ельцина середины 1990-х, речь идет о проспективном доверии, отражающем надежды на улучшение ситуации. Джордж Буш-мл., как известно, выиграл выборы 2000 года с большим трудом, и «надбавка» в начале его президентства была незначительной — около 10 пунктов. Однако она взлетела до 20 пунктов в период мобилизации, связанной с катастрофой 11 сентября 2001-го (доля одобряющих Буша с сентября 2001-го по март 2002 года превышает 80 процентов). К концу первого срока этот ресурс оказывается исчерпанным, и уровень «надбавки» снижается до 5—10 пунктов. Однако в 2007—2008 годах размер «надбавки» вновь начинает расти: оценки положения дел резко ухудшаются в связи с бушующим финансовым кризисом, однако американцы не склонны винить в нем преимущественно президента: неуклонно падавший до этого рейтинг одобрения Буша стабилизируется на уровне 25 процентов. Этот «кризисный» бонус в полной мере переходит к Бараку Обаме: в момент его вступления в должность разница между уровнем одобрения и долей позитивных оценок положения дел достигает путинских масштабов — 45 пунктов, но быстро снижается и стабилизируется на все равно внушительном уровне 25 пунктов.

Рисунок 4

ДОЛЯ ОДОБРЯЮЩИХ ПРЕЗИДЕНТА США, ДОЛЯ УДОВЛЕТВОРЕННЫХ ТЕМ, КАК ИДУТ ДЕЛА В АМЕРИКЕ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ, И РАЗМЕР «НАДБАВКИ», 1993—2013 ГОДЫ

Источник: Gallup; расчеты автора; для оценки текущего положения дел *Gallup* использует следующую формулировку вопроса *"In general, are you satisfied or dissatisfied with the way things are going in the United States at this time?"*

Как видим, путинская «надбавка» в среднем за все время пребывания у власти еще на 10 пунктов выше, чем у Обамы. Размер «надбавки» достигал 50 пунктов в конце 1999-го — начале 2000 года, сокращался до 25 пунктов, когда доля позитивных оценок текущей ситуации в 2007—2008 годах превышала 50 проц., а рейтинг упирался в потолок, приблизившись к уровню в 90 проц.; в остальное же время размер «надбавки» колебался вокруг значения 35 пунктов. Однако в 2011—2013 годах размер «надбавки» резко сокращается: 27 пунктов в 2011 году и 22 пункта в 2012—2013 годах. Это связано с тем, что рейтинг Путина снижался, притом что доля позитивно оценивавших текущее положение дел стабилизировалась на уровне 40 проц. (столько же оценивало положение дел негативно, что в целом дает нулевой баланс оценок).

Очевидно, что во всех рассмотренных случаях размер «надбавки» и ее динамика отражают некую базовую политическую модель, сквозь призму которой граждане смотрят на политическую реальность. Эта модель играет роль своеобразного фильтра, отвечающего за то, каким образом оценки текущей ситуации транслируются или не транслируются в поддержку лидера. В российском случае именно сверхвысокая «надбавка» придает путинскому рейтингу пресловутую «тефлоновость». Однако суть «тефлона» вовсе не в том, что рейтинг не реагирует на внешние раздражители, как это обычно считается, а в том, что огромная «надбавка» в доле «одобряющих» обеспечивает Путину политический иммунитет, — колебания в уровне поддержки, связанные с внешними факторами, не приводят к распаду пропутинского большинства, а точнее, сверхбольшинства. В отличие от рейтинга Клинтона, Буша или Обамы, путинский рейтинг за счет аномально высокого размера «надбавки» остается в «неконку-

Рисунок 5

РЕЙТИНГ ОДОБРЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА, ДИНАМИКА ОТВЕТИВШИХ, ЧТО ДЕЛА В СТРАНЕ ИДУТ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ, И ВЕЛИЧИНА ДЕЛЬТЫ (РАЗНИЦА ДВУХ ГРУПП) (В %)

Источник: Левада-Центр; расчеты автора

рентной» зоне даже тогда, когда ухудшение оценок реального положения дел ведет к его существенному снижению. В 2011—2013 годах модель меняется: «надбавка» съеживается на фоне относительной стабильности оценок текущей ситуации. Динамика рейтинга одобрения больше не коррелирует с изменениями оценок текущей ситуации (коэффициент корреляции неожиданно оказывается 0,28 против 0,81 в 2000—2010 годах) и отрицательно, как мы видели, коррелирует с динамикой эгоцентрических оценок экономической ситуации.

Наиболее яркой особенностью статистических соотношений динамики рейтинга и оценок текущего положения дел является наличие трех принципиально разных периодов. В конце 1999-го и первой половине 2000-го специальные индексы (отображенные на рисунке 1) очень прочно коррелируют с общей оценкой положения дел (коэффициенты корреляции в диапазоне 0,89 – 0,94), при этом динамика рейтинга как раз слабо связана с общей оценкой положения дел (R=0,44) и с динамикой специальных индексов (за исключением, пожалуй, индексов ожиданий). Это означает, что динамика оценок текущей ситуации не объясняет взлета рейтинга в этот период. На протяжении основного периода с 2001-го по 2010 год динамика рейтинга прочно коррелирует с динамикой оценок положения дел (R=0,81) и в той или иной степени значимо связана с частными индексами (хотя, как было отмечено, более актуальными в различные периоды становятся то экономические, то политические индексы). Наконец, в третьем периоде (2011—2013) рейтинг вновь «отвязывается» от оценок положения дел в стране, не коррелирует с ними, при этом — что примечательно — динамика общей оценки положения дел (ответ на вопрос «дела идут в правильном направлении?») теперь (в отличие от первого периода) оказывается не связанной и с частными индексами, за исключением индекса экономических ожиданий.

Иными словами, рациональные резоны (отражающиеся в оценках респондентами положения дел, семейного благосостояния и ожиданий) не объясняют взлета рейтинга в «инициальной» фазе (1999—2000) и не объясняют его снижения в 2011—2013 годах, при этом хорошо объясняют его колебания в основном периоде (2001—2010). Хотя значения рейтинга и находятся значительно выше тех, которые предсказывает рациональная модель, предполагающая, что те, кто негативно оценивает развитие ситуации в стране, не должны выражать поддержки лидеру.

> “Устойчивое сверхбольшинство может быть интерпретировано как специфическое равновесие, достигнутое в условиях электорального авторитаризма”.

Итак, слишком значительный и в то же время устойчивый разрыв уровня поддержки и доли одобряющих текущее положение дел выглядит ключевой характеристикой специфической модели президентской популярности, с которой мы имеем дело. Как видно из рисунка 4, сверхбольшинство может возникать и вокруг американских президентов (у Клинтона в 1998-м, у Буша в конце 2001-го — начале 2003-го, у Обамы в первые месяцы 2009 года), однако оно не является устойчивым. Устойчивое сверхбольшинство, на наш взгляд, может быть интерпретировано как специфическое равновесие, достигнутое благодаря особенностям организации политического рынка в условиях электорального авторитаризма.

«Сверхбольшинство» для «сверхпрезидентства»

Понимание природы популярности Путина и институциональной функции путинского «рейтинга» представляется частью более общей проблемы — мобилизации массовой поддержки и специфики «конкурентных процедур» в условиях электорального авторитаризма.

Взрыв интереса к институциональному дизайну различного рода недемократических режимов и к механизмам их долгосрочной устойчивости стал причиной пристального внимания к функции выборов в таких режимах. С одной стороны, выборы здесь не обладают принципиальными признаками, характерными для них в условиях демократии: они не конкурентны и не являются способом регулярной и законной смены власти, напротив, их главная функция состоит как раз в том, что они легитимируют ее несменяемость. В то же время выборы в условиях электорального (или конкурентного) авторитаризма не являются и полностью фиктивными: население в той или иной степени оказывает влияние на их результат, то есть выборы предполагают определенную «борьбу за избирателя» (мобилизация поддержки) и оставляют простор для внутрисистемной конкуренции, которая, однако, не ведет к существенному изменению режима [15].

Одной из ярких особенностей выборов в таких режимах является то, что победитель получает на них поддержку не минимально необходимой коалиции, а сверхбольшинства. Беатрис Магалони считает сверхбольшинство одним из ключевых признаков, позволяющих различать демократические режимы с доминирующей партией и электоральные автократии [16]. Сверхбольшинство является, по сути, результатом сложения конкурентных преимуществ (определенного уровня популярности) и преимуществ неконкурентных, получаемых за счет работы «электоральной машины», аккумулирующей ресурсы, которые находятся, как правило, под контролем исполнительной власти и позволяют применять как мягкую (информационное доминирование, безвозмездное использование государственных ресурсов), так и жесткую (преследование оппонентов, административные ограничения, фальсификация результатов голосования и пр.) силу. Способность организовать и предъявить в ходе выборов поддержку сверхбольшинства является не только подтверждением организационных способностей режима, но и важным ограничителем для внутрипартийной и внутриэлитной конкуренции [17].

Сверхбольшинство, таким образом, является не просто социологическим или электоральным фактом, но и специфическим институтом электорального авторитаризма, задающим рамки выборного процесса и определяющим как стратегии игроков, так и ограничения для этих стратегий. Можно указать на три важнейшие функции сверхбольшинства — подавляющего преимущества, получаемого доминирующим игроком:

- наличие сверхбольшинства демонстрирует недовольным группам, что они меньшинство, а их недовольство не является частью общенациональной политической повестки; это снижает стимулы к консолидации и политической активности, резко осложняет координацию недовольных групп;
- наличие сверхбольшинства — это знак элитам, что режим силен, пользуется поддержкой, а значит, оппортунистические и конфронтационные стратегии окажутся проигрышными; в результате оппозиция лишается ресурсов, а итоги выборов являются важным стимулом к сохранению лояльности элит и их консолидации вокруг доминирующего игрока; в свою очередь это позволяет демонстрировать эффективность режима, его способность

организовывать элиты для достижения намеченных целей;

- наконец, наличие сверхбольшинства легитимирует действия доминирующего игрока по изменению правил игры, а также его экстра- и квазилегальные действия, выходящие за границы конституционных и правовых рамок или меняющие эти рамки.

На последнем обстоятельстве следует остановиться. Беатрис Магалони отмечает, что сверхбольшинство необходимо правящей партии для того, чтобы укреплять авторитарные институты и менять конституционные правила в свою пользу, указывая, что на протяжении правления Институционно-революционной партии в Мексике в конституцию было внесено не менее 400 изменений [18]. Российский опыт демонстрирует возможности существенных изменений характера политического режима при практически неизменной конституционной рамке. Преимущество доминирующего игрока в этом случае закрепляется с помощью различных законодательных норм, подзаконных правил, а также экстра- и квазилегальных практик, и прежде всего — за счет выборочного правоприменения.

Однако квази- и экстралегальные практики, в том числе разнообразные политические махинации: давление на оппозицию, доминирование в СМИ, подтасовки на выборах и пр. — не воспринимаются населением как «захват власти», поскольку — в условиях мобилизованного сверхбольшинства — в обществе существует представление, будто эти трюки не играют решающей роли в обеспечении победы («все равно люди их (его) поддерживают»). Иными словами, сверхбольшинство легитимирует в глазах общества переход от

Таблица 1

ОТНОШЕНИЕ К ВЫБОРАМ В ВЫБОРНОМ ЦИКЛЕ 2011—2012 ГОДОВ В РОССИИ, %					
Ожидания: «Единая Россия» получит большинство на выборах (ноябрь 2011), %					86
Отношение к состоявшимся выборам:					
Честно ли были проведены выборы в декабре 2011 г.? (дек. 2011), %			Соответствуют ли действительности обнародованные результаты выборов в Думу? (дек. 2011), %		
Честно	5	35	В полной мере	12	52
Скорее честно	30		В значительной мере	40	
Скорее нечестно	30	45	Далеки от действительности	21	29
Нечестно	15		Полностью сфальсифицированы	8	
Ожидания: на выборах президента победит Владимир Путин (февраль 2012), %					78
Отношение к состоявшимся выборам:					
Честно ли проведены выборы президента? (март 2012), %			Соответствуют ли действительности обнародованные результаты выборов президента? (март 2012), %		
Честно	14	58	В полной мере	25	72
Скорее честно	44		В значительной мере	47	
Скорее нечестно	20	26	Далеки от действительности	11	14
Нечестно	6		Полностью сфальсифицированы	3	

Источник: Левада-Центр

конкурентного к плебисцитарному пониманию демократии. Детали выборной процедуры (в том числе и принцип состязательности и равенства возможностей) выглядят для общества не слишком важными. Это по-своему логично: основной особенностью выборов является то, что победитель известен заранее, объявление итогов голосования не является ответом на вопрос «кто победит?», но лишь подтверждает заданное представление о распределении сил. В результате общество не склонно считать итоги выборов фальсифицированными, даже несмотря на очевидные махинации, а экстра- и квазилегальные действия доминирующего игрока по закреплению своего преимущества не выглядят как неприемлемые.

Этот парадокс хорошо известен из российского опыта: социологические опросы с регулярностью демонстрируют, что (1) победитель выборов заранее известен подавляющему большинству респондентов, (2) выборы оцениваются избирателями как неконкурентные и в целом нечестные, и, несмотря на это (3), их результаты считаются легитимными и отражающими реальный расклад сил, а попытки их оспорить не вызывают массового сочувствия [19]. Так, например, лишь около трети респондентов сочли декабрьские выборы 2011-го честными, и при этом лишь 30 проц. респондентов посчитали их итоги не соответствующими действительности (см. таблицу 1).

Итак, условием «выборов без выбора» является то, что подавляющее число избирателей знают победителя заранее. Это, в частности, дает нам ключ к пониманию функции рейтингов в условиях электорального авторитаризма. По сути, рейтинги играют ту же роль, что и выборы, но в промежутке между ними. Демонстрируя обществу наличие сверхбольшинства, консолидированного в пользу доминирующего игрока, они:

- дестимулируют мобилизацию и координацию в среде недовольных групп в преддверии выборов;
- демонстрируют элитам бесперспективность стратегий нелояльности и поддержки оппозиции;
- легитимируют экстра- и квазилегальные действия властей (ограничение свободы СМИ, изменения законодательства в свою пользу, произвол правоприменения и пр.), которые воспринимаются как — в известном смысле — санкционированные поддержкой сверхбольшинства.

> “Возникает самоподдерживающийся механизм, где победа постоянно бежит впереди победителя, перекрывая своей мощной тенью вопрос о честности процедур”.

Таким образом, граждане из рейтингов узнают, кто победит на предстоящих выборах, а сами выборы верифицируют для них данные рейтингов. Возникает самоподдерживающийся механизм, где победа постоянно бежит впереди победителя, перекрывая своей мощной тенью вопрос о честности процедур и конкурентности политического процесса.

Возможность легитимировать (за счет наличия сверхбольшинства) экстра- и квазилегальные действия и волюнтаризм правоприменения оказывают решающее влияние на институциональную динамику электорального авторитаризма. Сверхбольшинство трансформирует президентство в «сверхпрезидентство»: в отличие от избранного в рамках конкурентной процедуры главы государства, который остается подотчетен закону, президент сверхбольшинства присва-

ивает право менять и устанавливать правила. Он оказывается не подотчетен закону, а, наоборот, становится его творцом, действующим как бы непосредственно от имени сверхбольшинства. При этом основной целью изменений является, как правило, формирование благоприятных условий для сохранения сверхбольшинства.

В отличие от спонтанно мобилизованного сверхбольшинства (как правило, возникающего после кризисов и смены режима), устойчивое сверхбольшинство — это результат институционально закрепленного преимущества. Представим себе футбольный матч, в котором команда, забившая гол, получает право удалять с поля одного игрока из команды соперника. Вероятность того, что второй гол будет забит той же командой, возрастает, а через два тура становится почти стопроцентной. При этом социологи продолжают интересоваться у зрителей, «какая команда, по их мнению, обладает на поле преимуществом?» и «кто забьет следующий гол?», и публикуют результаты своих исследований в прессе.

Парадокс «закрепленного преимущества» заключается в том, что, ограничивая возможности оппозиции, победитель апеллирует к мнению сверхбольшинства, не выказавшего оппозиции доверия. Однако в действительности, перекрывая доступ оппозиции к политическому рынку, он ограничивает не только права оппозиционных политиков, но и того самого большинства, от имени которого действует, лишая его возможности выбора. Этот ключевой парадокс «закрепленного преимущества» в более общем виде можно сформулировать следующим образом: поддержка доминирующего игрока сверхбольшинством выглядит для общества как отражение общественного спроса, хотя, в действительности, в условиях «закрепленного преимущества» она в значительной степени отражает искажение со стороны предложения (ограничение возможностей для оппозиции).

Так, если в близлежащем магазине часто продают не очень качественную рыбу, то вполне беспристрастное исследование обнаружит через некоторое время, что мясо в рационе жителей района занимает бóльшую долю, чем в среднем по городу. В свою очередь владельцы магазина на основании этих данных не только объявят ненужным менять поставщика рыбы, но и ограничат ее продажу двумя днями в неделю, апеллируя к предпочтениям самих потребителей. В результате, доля мяса в рационе жителей еще более возрастет, что, в свою очередь, будет представлено обществу как подтверждение правильности принятого институционального решения. Местное телевидение будет рисовать эту ситуацию как образец социальной гармонии: жители предпочитают мясо («традиционный местный уклад»), а продавцы заботятся о своевременных его поставках и широком предложении, освобождая для него на прилавках место не пользующейся спросом рыбы. В то время как перед оппозицией (любителями рыбы) встанет вопрос координации: как убедить потенциальных сторонников, что они не маргинальное меньшинство, вынужденное выбирать нишевые стратегии (индивидуальные поездки за рыбой в другие районы) и что искажения спроса возникают за счет искажений со стороны предложения, то есть, в терминах Альберта Хиршмана,

> “Президент сверхбольшинства оказывается **не подотчетен закону,** а, наоборот, становится его творцом, действующим непосредственно от имени сверхбольшинства”.

убедить своих сторонников перейти от *exit strategies* к *voice strategies* [20]. Как известно, именно такой (*exit strategy*) оказывается реакция продвинутого избирателя на выборы в условиях электорального авторитаризма: ограниченность предложения подталкивает его к решению не ходить на выборы, а представление о непопулярности собственной повестки ослабляет стимулы к борьбе за представленность этой повестки в политическом меню.

Как известно, шумпетерианское противопоставление классического и реалистического понимания демократии сводится к тому, что классическое понимание видит в политиках представителей (агентов) политических интересов и предпочтений электоральных групп, в то время как реалистическое исходит из того, что в чистом виде структурированных предпочтений больших групп не существует вовсе, они возникают лишь в качестве реакции избирателей на предложения политиков [21]. Развивая этот взгляд, можно сказать, что задачей электорального авторитаризма является создание благоприятных институциональных условий для консолидации одних предпочтений избирателей и максимально неблагоприятных для консолидации других. Именно таким образом искажения со стороны предложения трансформируются в искажения структуры спроса.

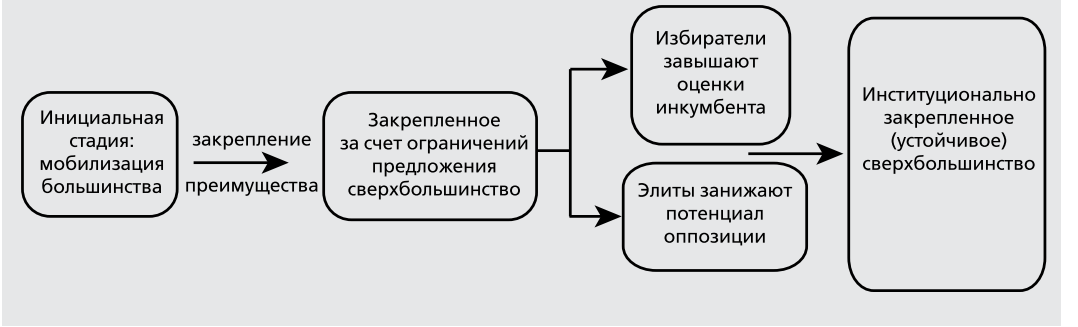
В конечном итоге «закрепленное сверхбольшинство» — это отражение не реальных общественных запросов, а представлений общества о его агрегированных запросах. Отвечая на вопрос: «одобряете ли вы деятельность Владимира Путина на посту президента?», респондент в действительности отвечает на вопрос: «одобряете ли вы, как большинство россиян, деятельность Владимира Путина или нет?» Ответ на этот вопрос отразит, на самом деле, не столько реальное отношение респондента к Путину, сколько его самоидентификацию в отношении к «большинству», которому здесь уже приписаны определенные свойства. Общеизвестное «мнение большинства» выступает в качестве аргумента, заставляющего респондентов корректировать индивидуальную оценку в направлении наиболее авторитетного суждения. С другой стороны, отрицательный ответ респондента — отказ в доверии Путину — предполагает его идентификацию с «меньшинством», и в результате также не разрушает авторитарного равновесия, стимулируя недовольных выбирать «стратегии выхода», а не участия.

В знаменитой работе, объясняющей феномен неожиданности революций на примере посткоммунистических переворотов в Центральной Европе, Тимур Куран указывал на фактор фальсификации предпочтений, связанный со страхом репрессий и стремлением присоединиться к большинству [22]. Уровень репрессий в условиях электорального авторитаризма, как правило, принципиально ниже, чем в условиях тоталитаризма, и лидеры таких режимов охотно и много говорят о своей приверженности демократии, несмотря на то что ее ограничения очевидны для сторонних наблюдателей. В этом, однако, нет противоречия: одна из принципиальных целей электорального авторитаризма — продемонстрировать добровольный характер поддержки со стороны населения, представив искажения, возникающие в результате ограничений предложения, как естественное состояние спроса.

Успех электорального авторитаризма зависит от его способности акцентировать внимание избирателей на добровольном характере их выбора, отодвинув в сторону вопрос о введенных ограничениях на стороне предложения. Так, в России 2000-х значительная часть населения была уверена, что уровень демократии вырос в сравнении с предыдущим периодом, в то время как относительно небольшая прослойка интеллектуалов, политических активистов

Рисунок 6

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНКУРЕНТНОГО БОЛЬШИНСТВА В НЕКОНКУРЕНТНОЕ ЗАКРЕПЛЕННОЕ СВЕРХБОЛЬШИНСТВО



и западных наблюдателей настаивали на обратном [23]. Первая группа рассматривала доминирование Путина как отражение и следствие состояния политического спроса, в то время как вторая приписывала его неадекватности предложения. Однако и тот и другой ответ, не являясь неправильным, выглядит неполным, пока мы не учитываем обратного влияния предложения на структуру спроса.

В отличие от модели Тимура Курана, противопоставляющей частные и публичные предпочтения в условиях тоталитаризма, в нашем объяснении предполагается, что не принадлежащий к политически активным группам избиратель «выравнивает» свои частные предпочтения по доступной ему информации о чужих публичных предпочтениях, после чего они собственно и становятся его публичными (политическими) предпочтениями. Для того, чтобы стать публичными, частные предпочтения должны найти в публичном поле некий рефлектор (резонатор), выявляющий их политическую значимость. Такое понимание проблемы находится в согласии с шумпетерианской моделью демократии, акцентирующей роль предложения в формировании структуры политического спроса.

Итак, институт сверхбольшинства возникает за счет способности доминирующего игрока трансформировать полученную поддержку в систему ограничений для политических оппонентов и элитных групп и в результате добиваться устойчивой консолидированной поддержки, имеющей уже, впрочем, иной, неконкурентный характер (см.рисунок 6). Эта модель демонстрирует нам, с одной стороны, взаимосвязь между реальной поддержкой и механизмами государственного насилия, используемыми для ее закрепления, а с другой — взаимосвязь между фактором массовой поддержки и принципами внутриэлитных взаимодействий.

Описанные механизмы проясняют интригующий многих вопрос, почему в условиях электорального авторитаризма доминирующий игрок, располагающий, казалось бы, очевидной поддержкой большинства, не пренебрегает самыми грубыми и прямолинейными способами нечестной игры и прямыми фальсификациями? Или, в другой формулировке: почему Владимир Путин не может провести честные выборы, если все — в том числе и оппозиция — убеждены в его безусловном преимуществе?

Отказ от преимуществ электоральной машины кардинально меняет содержание и

смысл выборов. Во-первых, в ситуации, когда голоса оппозиции не могут быть украдены, эффективность инвестиций в оппозицию возрастает: у элитных групп появляется стимул для использования электорального ресурса в своих интересах. Это очень важный пункт: одна из причин, почему для элит инвестиции в оппозицию невыгодны, заключается в том, что оппозиция не может защитить эти инвестиции. Во-вторых, отказ от возможностей электоральной машины чреват для инкумбента превращением сверхбольшинства в простое большинство, что само по себе сократит «плоды победы» — возможности инкумбента по использованию своего преимущества для дальнейшего его закрепления за счет изменения и нарушения правил. Наконец, еще один эффект связан непосредственно с механизмом влияния сверхбольшинства на предпочтения избирателей и с вероятностью феномена обратного «снежного кома». Осознав, что их прежние представления об уровне поддержки инкумбента обществом (большинством) были завышены, избиратели будут склонны выравнивать свои предпочтения в обратную сторону, то есть понижать оценки инкумбента даже в отсутствие каких-то реальных поводов к тому в текущей ситуации.

Иными словами, устойчивое сверхбольшинство является специфическим равновесием, основанным на убежденности избирателей, политиков и элитных групп в его существовании. Разумеется, инкумбент должен представить обществу какую-то повестку консолидации и какие-то блага, делающие эту повестку убедительной, однако получаемый им «урожай» в условиях закрепленного преимущества оказывается не пропорционален размеру предоставленных благ. Эта ситуация вполне конгруэнтна специфике функционирования многих развивающихся рынков: притом что цены на таких рынках являются в основном свободными, различные ограничения на доступ к рынку позволяют допущенным продавцам реализовывать товары по более высокой цене и извлекать ренту. Устойчивое сверхбольшинство электоральных авторитаризмов является примером политической ренты, получаемой за счет ограничения предложения, и так же, как в модели рынка с ограниченным доступом, опирается на комбинацию механизмов принудительного исключения и добровольного участия.

Стадия распада и переход к конфронтационной модели: 2011—2013

Итак, понимание механизма «закрепленного сверхбольшинства» помогает нам, кажется, продвинуться к разгадке нескольких феноменов электорального авторитаризма.

Во-первых, речь идет о феномене долгосрочной устойчивости таких режимов и наличии значительной, а иногда и аномально высокой поддержки со стороны населения. Причем эта поддержка носит, как правило, амбивалентный и противоречивый характер: она соседствует с низкой, а иногда аномально низкой оценкой качества государственных институтов и государственного управления, повсеместной убежденностью в широчайшем распространении коррупции. Однако наличие сверхбольшинства оказывается для граждан сигналом, что такое равновесие, несмотря на его издержки, является с точки зрения общества оптимально возможным. Иными словами, недостатки режима рассматриваются обществом как предмет коллективной ответственности данной политии («такой у нас народ») и работают в большей степени на снижение доверия к политии, а не к правительству. Низкий в целом уровень доверия в социуме трансформируется в высокий уровень поддержки власти.

Обращая внимание на феномен значительной поддержки режима на фоне низкой оценки его эффективности, исследователи предпо-

читают говорить об эффекте «безальтернативности» и «адаптации» (Лев Гудков) или «вынужденного принятия» (Ричард Роуз, Нейл Манро, Уильям Мишле). Эти важные объяснения не дают, однако, ответа на вопрос, почему «адаптация» или «вынужденное принятие» ведут к аномально высокой поддержке (гораздо более высокой, чем поддержка в условиях конкурентного режима). Модель «вынужденного принятия» Роуза — Манро — Мишле подразумевает, что избиратели делают рациональный выбор на основе калькуляции потенциальных издержек и выгод смены режима: когда издержки смены режима представляются им слишком высокими, они не поддерживают оппозицию, несмотря на то что имеют серьезные претензии к правительству [24]. В нашей модели предполагается, что знание о широкой поддержке режима со стороны населения заставляет избирателей рассматривать сценарий смены режима как нереалистичный и конфронтационный, что повышает в их глазах ценность существующего равновесия.

Во-вторых, фактор сверхбольшинства объясняет механизм «навязанного консенсуса», обеспечивающего лояльность элит в условиях электорального авторитаризма. Издержки конфронтации с режимом в условиях сверхбольшинства выглядят слишком высокими, а инвестиции в оппозицию нерациональными (в том числе и потому, что полученные за их счет голоса могут быть просто украдены). Чем убедительнее предъявленное сверхбольшинство, тем меньше стимулов к нарушению режима «навязанного консенсуса» и, соответственно, ниже уровень необходимых репрессий для обеспечения лояльности. И наоборот, сокращение неконкурентной надбавки в уровне поддержки режима будет стимулировать нелояльность элитных групп, а следовательно, увеличивать размеры необходимых репрессий.

В работах последних лет устойчивость электоральных (конкурентных) авторитаризмов принято объяснять эффективностью авторитарных (частично конкурентных) институтов, а высокий уровень поддержки со стороны населения интерпретировать как ответ населения на эту эффективность [25]. В нашем понимании, наоборот, именно широкая поддержка со стороны граждан является условием формирования эффективных авторитарных институтов за счет консолидации элит в рамках режима «навязанного консенсуса». Модель «закрепленного сверхбольшинства», таким образом, отражает реверсивный характер связи эффективных авторитарных институтов и широкой поддержки: поддержка позволяет сохранять режим «навязанного консенсуса» в отношении элитных групп, консолидировать их для достижения определенных целей, демонстрируя избирателям тем самым эффективность режима и его институтов, что, в свою очередь, способствует сохранению высокого уровня поддержки режима.

Эти взаимосвязи помогают понять, почему снижение поддержки подобных режимов часто имеет нелинейный характер и ведет к быстрой деградации и коллапсу. Сверхбольшинство является сложным равновесием, и потеря этого равновесия грозит режиму целым веером одновременных и резонирующих последствий. Во-первых, как уже было сказано, это угроза эффекта обратного «снежного кома»: обнаружив, что их представления о поддержке режима были завышены, люди начинают снижать свои оценки, даже не имея к тому видимых оснований. Элиты резко снижают уровень лояльности, что ведет к снижению эффективности режима (способности достигать заявленных целей) и еще более подталкивает граждан к его переоценке. Экстралегальные действия властей, выглядевшие раньше «привычными» (ненормативными, но узуально приемлемыми), вдруг начинают вызывать возмущение, так как больше не считаются выражением воли сверхбольшинства, издержки же

на принуждение аппарата к таким действиям возрастают. Оппозиция внезапно осознает легитимность и общенациональный характер своей повестки: возможность альтернативных политик не выглядит теперь столь уж невероятной. Постепенно формируется большинство, готовое переадресовать ответственность за неэффективность государственных институтов правительству, сняв ответственность за это с общества в целом. «Большинство» меняет свою идентичность в результате изменившихся представлений об агрегированных запросах общества.

Как было сказано выше, наблюдаемая на протяжении 2000-х корреляция рейтинга Путина с оценками положения дел в стране отсутствует в начале периода (конец 1999 — начало 2000) и в его конце (2011—2013), чем, на наш взгляд, маркируется инициальный период — процесс формирования сверхбольшинства — и, соответственно, процесс его распада. Падение рейтинга во второй половине 2000 года совпадает с началом активных действий по закреплению преимущества, первым из которых стала борьба за информационное доминирование (установление контроля над НТВ и ОРТ). За этим последовали широко известные действия по ограничению автономии политических акторов: реформа Совета Федерации и отмена губернаторских выборов, «дело ЮКОСа» и консолидация каналов финансирования политических партий, изменения выборного и партийного законодательства и пр.

Причины эрозии сверхбольшинства в посткризисном периоде требуют специального анализа. В качестве предварительных замечаний можно отметить, что двухканальный механизм, в рамках которого Путин воспринимался, с одной стороны, как «реставратор порядка» и «гарант стабильности», а с другой — как «распорядитель благополучия», перестал работать.

Прежде всего, как мы видели, поставленной под сомнение оказалась функция Путина как «распорядителя благоденствия», что отразилось в отрицательной корреляции его рейтинга и эгоцентрических оценок экономической ситуации. Докризисный опыт подсказывал избирателям, что при Путине экономика и доходы всегда растут, а послекризисный опыт показал, что экономика при Путине может как расти, так и падать (характерно, что перелом тренда наступает в начале 2011 года: в этот период, уже после выхода из острой фазы кризиса, реальные располагаемые доходы некоторое время снижались). В результате динамика эгоцентрических оценок (оценок текущего материального положения семьи) оказывается не связана с проспективными и социотропными оценками, как это было до кризиса.

> “Знание о широкой поддержке режима со стороны населения заставляет избирателей рассматривать **сценарий смены режима** как нереалистичный”.

Нечто похожее можно наблюдать в описанных Беатрис Магалони закономерностях взаимосвязи экономических показателей и уровня поддержки Институционально-революционной партии Мексики (ИРП). Если на протяжении 1930—1970 годов наблюдается зависимость «чем выше темпы роста, тем выше уровень поддержки», то в 1980—1990 годах ситуация оказывается обратной: чем выше рост, тем ниже поддержка. Дело в том, что череда экономических потрясений 1980 — начала 1990-х сформировала у избирателей представление, что экономические успехи не связаны с политикой ИРП, в результате благоприятная экономическая конъюнктура не транслируется

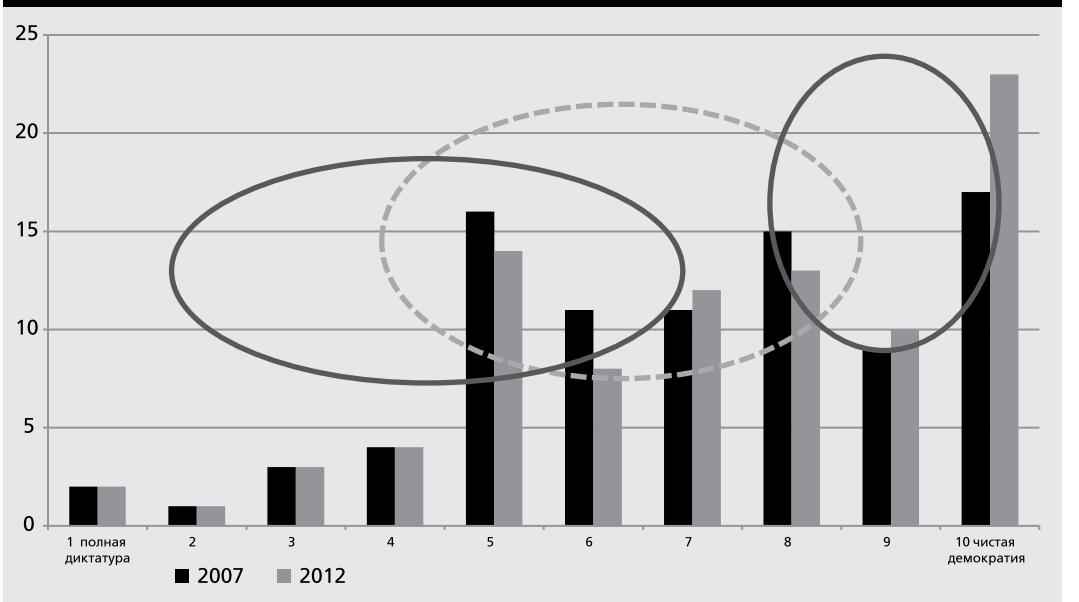
в поддержку ИРП, но лишь придает медианному избирателю уверенности в себе [26].

В России постпосткризисный период (2011–2013) характеризуется наличием трех трендов: позитивной динамикой эгоистических оценок экономического положения, негативной динамикой рейтинга одобрения Путина и боковым трендом в динамике оценок общего положения дел. При этом последний ряд коррелирует с динамикой экономических ожиданий, баланс которых также колеблется вблизи нулевой отметки. Это позволяет сформулировать гипотезу, что текущий экономический позитив не транслируется в позитивные экономические ожидания. В разрыве этой связи, собственно, и отражается нарастание скепсиса в отношении политической системы, который проявляет себя в снижении оценок Путина и текущей политической ситуации в стране. Формула конвертации оценок текущей ситуации в поддержку меняется, а уровень «надбавки» (разница поддержки лидера и позитивных оценок положения дел в стране) снижается с 35 до 22 пунктов.

Утрата равновесия, основанного на институционально закрепленном сверхбольшинстве, вынуждает политический режим, с одной стороны, искать способы регенерации большинства, а с другой – резко наращивать уровень репрессий в отношении ненадежных элитных групп и оппозиции. Эта тактика в целом и определяла поведение Кремля после президентских выборов. Необходимость регенерации сверхбольшинства стимулирует поиски идеологии, которая могла бы стать его основой, и попытки ее форсированного насаждения (стратегия мобилизации). Однако такая стратегия не может обеспечить возвращения к утраченному равновесию: если сверхбольшинство 2000 годов являлось более или менее центристским, оставляя недовольным маргинальные фланговые

Рисунок 7

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ В 2007 И 2012 ГОДАХ И ПЕРЕХОД ОТ ЦЕНТРИСТСКОГО БОЛЬШИНСТВА К КОНФРОНТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ (В %)



Источник: New Russia Barometer, 2007; New Russia Barometer, 2012.

ниши, то усилия по формированию искусственного сверхбольшинства форсируют раскол общества.

Опросы *New Russia Barometer*, предлагающие респондентам определить оптимальный для страны политический режим на шкале от 1 (полная диктатура) до 10 (полная демократия), позволяют представить в некотором приближении структуру политического спроса [27]. Если мы примем предположение, что эти предпочтения связаны с более широким комплексом социальных ценностей, то переход от центристского большинства, характерного для 2000-х годов, к искусственному конфронтационному большинству можно представить в виде схемы на рисунке 7. События, произошедшие после выборов 2011-го, обозначили распад прежнего большинства и консолидацию оппозиционных настроений с соответствующей повесткой в правой части графика. В ответ на это Владимир Путин, отказавшись от лозунга сохранения статуса-кво, с которым он шел на выборы, предпринял усилия по консолидации нового большинства под знаменами консерватизма и антизападничества.

Пока можно констатировать, что снижение рейтингов Владимира Путина с конца 2012 года замедлилось или приостановилось. Вместе с тем говорить о том, что найдено новое равновесие, кажется преждевременным. Формирование и поддержание нового конфронтационного большинства потребует конфликтной перегруппировки внутри элит и значительно больших ресурсов, направленных на контроль разных сторон общественной жизни, расширение репрессий против недовольных и покупку лояльности центристски настроенных избирателей. И все это не дает ответа на главный вопрос: как восстановить в сознании избирателей связь между их материальным благополучием и фигурой «национального лидера». В результате гораздо менее устойчивым такой вариант авторитаризма будет и к внешним шокам. Так или иначе, речь идет о принципиально новом этапе в истории путинского режима, чреватом периодами серьезной политической нестабильности и новыми драматическими поворотами в истории российского транзита. ■

ПРИМЕЧАНИЯ [1] *Geddes B.* What Do We Know About Democratization After 20 Years? // Annual Review of Political Science. 1999. June. Vol. 2. P. 115–144; *Brownlee J.* Authoritarianism in an Age of Democratization. Cambridge Univ. Press, 2007.

[2] Наши гипотезы на этот счет изложены в статье: *Рогов К.* Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. 2012. Июль–окт. Т. 16. № 4–5.

[3] Определение «тефлоновый» было дано рейтингу чрезвычайно рано – еще в начале лета 2000 года, будучи заимствовано из американского политического жаргона, где оно употреблялось при описании феномена популярности Рональда Рейгана (см.: Путин – тефлоновый президент // Коммерсантъ. 2000. 7 июля. № 121).

[4] *Treisman D.* Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia Under Yeltsin and Putin // American Journal of Political Science. 2011. Vol. 55. No. 3; *Грин С.* После Болотной: новая норма в публичной политике // Pro et Contra. 2012. Июль–окт. Т. 16. № 4–5.

[5] См. об этом: *Treisman D.* Op. cit.

[6] В январе 2000-го, по данным Левада-Центра, считали, что операция завершится разгромом боевиков и возвращением Чечни в состав России, 46 проц., в июне уже только 23, действия войск считали успешными в январе 62, а в июне – 39 процентов.

[7] Эти наблюдения не входят в противоречие со скрупулезным анализом Дэниела Трейсмана, выделившего «экономический» компонент президентской популярности. Исследователь отмечает, что, хотя экономические факторы в значительной степени объясняют взлет рейтинга, своих пиков этот взлет должен был достигнуть позже

(*Treisman D.* Op. cit. P. 604); именно это мы видим на графике.

[8] Этот эпизод дает основание предполагать, что эгоцентрические экономические оценки иногда оказываются под сильным влиянием политических факторов. Январь 2005 года характеризовался скачком инфляции, однако это достаточно обычно для начала года в середине 2000-х, и аналогичные скачки января 2003-го и января 2006-го не давали таких провалов в оценках материального положения семьи. Трудно увидеть здесь и эффект монетизации льгот: в середине января респонденты еще не могли его почувствовать, а в марте оценки личного материального положения восстановились. По всей видимости, в данном случае инфляционный скачок был столь остро воспринят благодаря резко негативному *политическому* фону, связанному с монетизацией и отменой губернаторских выборов.

[9] В итоге в то время как в группе из семи лояльных регионов «Единая Россия» получила на региональных выборах результаты в диапазоне 50—70 проц., в 12 других средний результат «партии власти» не дотянул до 30 проц.; о кризисе региональной политики 2005 года см., например: *Голосов Г.* Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Янв.—февр. Т. 12. № 1. С. 22—35.

[10] Наши наблюдения повторяют вывод Самюэля Грина, сделанный по итогам анализа динамики индексов в 2007—2011 годах, см.: *Грин С.* Указ. соч.

[11] Об изменении роли экономического фактора ср.: *Treisman D.*, *Dmitriev M.* The Other Russia: Discontent Grows in the Hinterlands // Foreign Affairs. 2012. Sept.— Oct., и в особенности см. упомянутую статью Грина.

[12] Помимо упомянутых ранее работ см. также: *White St., McAllister I.* The Putin Phenomenon // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24, No. 4; *Colton T., Hale H.* The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime // Slavic Review. 2009. Vol. 68. No. 3.

[13] Проспективные и социотропные индексы (даже связанные с оценками экономики) в той или иной степени являются отражением доверия к правительству и лидеру, демонстрируют веру в их дееспособность; это их отличие от эгоцентрических оценок экономической ситуации станет очевидно в дальнейшем изложении.

[14] Важно иметь в виду, что «тефлоновая» гипотеза была решительно отвергнута и в отношении рейтинга Рональда Рейгана, см.: *Lanoue D. J.* "The Teflon Factor": Ronald Reagan and Comparative Presidential Popularity // Polity. 1989. Vol. 21. No. 3. P. 481—501.

[15] О функции выборов в условиях электоральных (конкурентных) авторитаризмов см.: *Geddes B.* Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Wash., DC, 2005; Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.). Lynne Rienner Publishers, 2006; *Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections Under Authoritarianism // Annual Review of Political Science. 2009. Vol. 12. P. 403—422; *Levitsky S., Way L. A.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. Cambridge Univ. Press, 2010.

[16] *Magaloni B.* Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 35—40. По подсчетам автора, средний уровень голосов в пользу инкумбента на президентских выборах в электоральных автократиях составляет 66 проц., а доминирующая партия контролирует в среднем 75 проц. мест в парламенте.

[17] О феномене сверхбольшинства и его роли в условиях электорального авторитаризма, помимо уже упомянутой книги Магалони, см. также: *Geddes B.* Op. cit.

[18] См.: *Magaloni B.* Op. cit. P. 259—260.

[19] См. также: *Rose R., Mishler W.* How Do Electors Respond to an "Unfair" Election? The Experience of Russians // Post-Soviet Affairs. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 118—136; *Wilson K.* How Russians View Electoral Fairness: A Qualitative Analysis // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 1. P. 145—168.

[20] *Hirschman A. O.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1970.; *Хиршман А.* Выход, голос и верность. М.: Новое издательство, 2009.

[21] Эта концепция изложена в 20—21 главах книги «Капитализм, социализм и демократия» (1942), см.: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

[22] *Kuran T.* Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989 // World Politics. 1991. Vol. 44. P. 7—48.

[23] См.: *Рогов К.* Демократия—2010: прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. 2009. Сент.—окт. Т. 13. № 5—6.

[24] *Rose R., Munro N., Mishler W.* Resigned Acceptance of an Incomplete Democracy: Russia's Political Equilibrium // Post-Soviet Affairs. 2004. Vol. 20. Iss. 3. P. 195–218; см. также*: Rose R., Mishler W., Munro N.* Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge Univ. Press, 2011. Интерпретацию Льва Гудкова см., например: *Гудков Л.* Социальный капитал и идеологическая ориентация // Pro et Contra. 2012. Май–июнь. Т. 16. № 3. С. 19–21.

[25] Наиболее ярким примером этой тенденции представляется нам в целом чрезвычайно интересная книга: *Levitsky S., Way L. A.* Op. cit.

[26] *Magaloni B.* Op. cit. P. 83–85.

[27] *Rose R.* New Russia Barometer. XV. The Climax of Putin's Years. Studies in Public Policy. 426. Univ. of Strathclyde. Glasgow, 2007; *Rose R.* New Russia Barometer. XX. Public Opinion of Vladimir Putin's Return as President. Studies in Public Policy. 492. Univ. of Strathclyde. Glasgow, 2012.